

101 РОЗА НА ВЕТРУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аполлон А

101 Роза на ветру

<https://litres.ru/73904901>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он бросил в неё грязной тряпкой. Она расцарапала ему ухо до крови. В школе они были врагами, которые однажды станцевали один медленный танец — и запомнили его на всю жизнь.

Прошло двадцать лет. Саша — вахтовик на Крайнем Севере, за плечами развод, долги и смерть отца, на которую он не успел. Роза — замужем, с детьми, в браке, где нет любви, но есть стабильность. Одно сообщение в соцсетях запускает лавину: тайные встречи, сто одна роза на день рождения, полёт на воздушном шаре и разговоры, которые они не решались начать два десятилетия.

Это история о любви, которая не отпускает. О страхе, который сильнее чувств. И о цене, которую мы платим за молчание.

Роман основан на реальных событиях.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Аполлон А

101 Роза на ветру

Глава

История, которая случилась на самом деле

ОТ АВТОРА

Все имена, фамилии, названия населённых пунктов и другие личные данные, упомянутые в этой книге, изменены.

Любые совпадения с реальными людьми, живущими или умершими, являются случайными.

Глава 1. Город серого неба

Новошахтинск встречал своих жителей запахом угольной пыли и дешёвых сигарет «Прима». Саша Данильченко родился здесь в мае 1987 года и первые двенадцать лет считал этот запах нормальным — таким же, как запах хлеба из пекарни на углу. Их дом стоял на улице Физкультурной, это был каменный барак. Белые тюлевые занавески с вышивкой, фикус на подоконнике, клеёнка на столе — всё дышало чистотой и какой-то унылой аккуратностью.

Бабушка работала диетсестрой в городской психиатрической больнице. Каждый день она надевала белый халат и уходила туда, где люди смотрели сквозь тебя стеклянными глазами, выкрикивали бессвязные слова, пахли лекарствами и отчаянием. Она никогда не жаловалась. Только иногда, вернувшись с работы, долго мыла руки с мылом — так, что кожа трескалась.

— Ты бы хоть учился, Саша, — говорила она, глядя на дневник с тройками и редкими четвёрками. — Не хочу, чтобы ты пропал, как твои родители.

Родители уехали на Север, когда Саше было три года. Отец, Сергей Николаевич Данильченко, устроился водителем автобуса в каком-то посёлке за Полярным кругом. Мать, Валентина Васильевна, работала воспитателем в детском саду — водилась с чужими детьми, пока свои росли за тысячи километров.

Они приезжали раз в год, летом, на две недели. Саша помнил эти две недели как праздник. Мать пахла чужими горо-

дами и яблочным шампунем — этот запах он потом искал в каждой девушке, с которой сводила жизнь. Отец привозил большие коробки с конфетами «Мишка на Севере» и пластиковые игрушки из дешёвого китайского пластика.

А потом праздник кончился. Родители садились в самолет, мать плакала, отец стоял не отводя глаза. Саша махал рукой и не понимал, почему они не могут остаться.

Сергей, старший брат, был на год и восемь месяцев старше. Достаточно, чтобы служить примером — и слишком мало, чтобы чувствовать себя взрослым. Они росли почти близнецами, только один чуть выше, другой чуть младше. Делили на двоих одну кровать, одну ложку на двоих, когда бабушка не досчитывалась тарелок. Дрались, мирились, снова дрались. И молчали о родителях — каждый боялся показать, как сильно по ним скучает.

В 1999 году, когда Саше уже шёл тринадцатый, родители объявили: они устали от Севера, от морозов, от вечной темноты зимой и белых ночей летом. Отец нашёл работу водителем на птицефабрике в селе Кугей. Недалеко от города Азова.

— А вы едете с нами, — сказал отец по телефону. Саша слышал его голос из кухни, где бабушка гремела кастрюлями. — Хватит вам с бабушкой. Мы теперь будем вместе.

Саша не знал, радоваться ему или плакать. Вместе — это как? Четырнадцать дней в году — не семья. Это гости. А теперь они приедут насовсем, будут жить в одном доме, зав-

тракать, ужинать, ссориться из-за пульта от телевизора.

Сергей, услышав новость, ничего не сказал. Он был старше, он понимал больше. Просто кивнул и пошёл собирать вещи.

Бабушка в тот вечер долго сидела на кухне, пила чай из гранёного стакана и смотрела в окно. На улице смеркалось, за окном дворовые мальчишки гоняли мяч, пахло жареными семечками и бензином.

— Ты там не теряйся, — сказала она Саше, когда он зашёл попрощаться. — За братом присматривайте друг за другом. И помните: я вас всегда жду.

Она не плакала. Давно разучилась. Но её голос дрожал.

Саша кивнул. Он не понимал тогда, что это почти прощание. Что бабушка останется в Новошахтинске — с фикусом на подоконнике, с треснувшими от мытья руками, с тишиной, которая с каждым месяцем будет становиться всё тяжелее.

Глава 2. Волга на юг

В июне 1999 года, сразу после окончания учебного года, они навсегда уехали из Новошахтинска.

Отец сам сел за руль. Машина была — «Волга» ГАЗ-24, белая, с потёртым велюровым салоном, который пах старыми сигаретами и бензином. Отец купил её несколько лет назад, берёт как зеницу ока. Каждое воскресенье мыл, проти-

рал, чистил карбюратор.

— Эта машина нас не подведёт, — сказал он, когда грузили вещи.

Саша устроился на заднем сиденье рядом с Сергеем. Между ними и под ногами — сумки, свёртки, пакеты с едой, которые бабушка собрала в дорогу: варёные яйца, солёные помидоры, домашний хлеб в полиэтиленовом мешке.

Мать села на переднее пассажирское, отец включил зажигание, «Волга» чихнула и завелась.

— Трогаем, — сказал отец.

Саша обернулся. Вот их дом. Вот школа, где он отсидел 6 классов. Вот двор, где он гонял мяч до темноты, пока бабушка не кричала Саша, Сережа «Домой!»

Вот бабушка стоит на крыльце, машет рукой. В старом халате, без косметики, с седыми волосами, которые она всегда закалывала в пучок. Она не пошла провожать до машины — сказала, что на работе не отпускают. Но Саша видел — она плакала. По щеке текла слеза, и она смахивала её дрожащей рукой.

Он махнул в ответ и отвернулся к окну, чтобы никто не заметил слёз.

Мать тоже плакала, но молча, уткнувшись в плечо отца. Сергей сидел с каменным лицом, сжимая на коленях рюкзак. Дорога была долгой.

«Волга» шла ровно, отец вёл спокойно, иногда перебрывался парой фраз с матерью. Степь за окном сменялась

полями подсолнухов, потом редкими деревьями с покосившимися домами и пьяными мужиками у дороги, потом снова степью.

Жара стояла невыносимая — градусов под тридцать, не меньше. Окна открыли, но ветер всё равно был горячим, как из печки. Пахло полынью, горячей пылью и чем-то сладким — может быть, мёдом, а может, просто Саше казалось от духоты.

— Скоро приедем? — в сотый раз спросил Саша.

— К вечеру будем, — ответил отец, не оборачиваясь. — Терпи.

Сергей всю дорогу молчал. Смотрел в окно и о чём-то думал. Саша знал — брат переживает сильнее. Сергей помнил родителей лучше, он по ним скучал по-настоящему, а не как Саша — по праздникам.

Саша не помнил. Для него родители были гостями. Приятными, пахнущими чужим шампунем, привозящими игрушки, но всё равно — гостями. А теперь эти гости становились соседями по комнате.

Он не знал, как к этому относиться.

Глава 3. Кугей. Новый дом

К вечеру «Волга» въехала в Кугей.

Село оказалось больше, чем Саша ожидал. Пять улиц, дома в основном одноэтажные, кирпичные и деревянные. Цен-

тральная улица была заасфальтирована, но асфальт давно потрескался, из трещин росла жёсткая трава.

Птицефабрика на отшибе — оттуда тянуло специфическим запахом, который Саша запомнит на всю жизнь. Запах этот не был ни отвратительным, ни приятным — он был чужим, непонятным, как вся эта новая жизнь.

Отец свернул на центральную улицу и остановился у большого дома.

— Приехали, — сказал он и заглушил двигатель.

Тишина после гула мотора показалась неестественной. Саша вышел из машины, размял затёкшие ноги и поднял голову. Дом был большой — кирпичный, с новой крышей, с верандой, увитой диким виноградом. Совсем не похожий на дом бабушки в Новошахтинске.

— Сколько здесь метров? — спросил Сергей, вылезая следом.

— Девяносто четыре, — с гордостью ответила мать. — Просторно будет.

Девяносто четыре квадратных метра. Для Саши это звучало как «огромный». Две комнаты, кухня с газовой плитой, пристройка, и большая веранда, где можно было сидеть в дождь.

Свой двор, сарай, огород с кустами малины и смородины. В углу двора росла старая груша — раскидистая, с корявыми ветвями. Саша сразу понял: на неё можно залезать, и сверху будет видно всё село.

Они начали выгружать вещи. Отец и Сергей таскали тяжёлые сумки, мать разбирала их в доме, Саша подавал мелочёвку.

И тут со стороны улицы послышались шаги.

Саша поднял голову и увидел Алексея Петровича.

Тот шёл по пыльной дороге неторопливо, но уверенно — как человек, который не привык ни перед кем отчитываться. В старой тренировочной кофте с выцветшим принтом «СССР», в серых спортивных штанах, с потрёпанной газетой в руке.

Он двигался легко. Сухое, жилистое тело, короткая стрижка, жёсткий взгляд из-под кустистых бровей.

Он остановился у калитки, оглядел внуков — спокойно, без насмешки, но и без особой теплоты. Просто констатировал факт.

— Ну, здравствуйте, корни виноградные.

Голос низкий, хриловатый, с южным говором.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал отец.

— Здравствуйте, — ответил Сергей.

Саша промолчал. Он вдруг почувствовал себя чужим — не только в этом селе, но и в этой семье. Алексей Петрович жил отдельно. У него был свой дом где-то на другой улице, своя жизнь, свои дела. Он не жил с ними — он пришёл их встречать.

И он не был родным дедом. Саша потом узнал: Алексей Петрович — муж сестры родного деда. Но все звали его «де-

дом» — привыкли за долгие годы.

— Ну что, городские, — усмехнулся Алексей Петрович.
— Будем из вас людей делать. Слабых не люблю. Вы у меня не слабые?

— Нет, — ответил Сергей.

— А ты, Саша?

— Нет, — буркнул Саша, хотя сам не был в себе уверен.

— Посмотрим, — сказал Алексей Петрович и усмехнулся.

— Я тут рядом живу. Если что — заходите.

Он кивнул отцу, махнул рукой внукам и ушёл обратно по пыльной дороге. Один. В свой дом. Спина прямая, шаг широкий.

Саша смотрел ему вслед и думал: «Почему он не с нами? Почему он вообще за нами присматривает? Он же не родной...»

Отец, будто услышав его мысли, сказал негромко:

— Алексей Петрович — хороший человек. Мы ему доверяем. Он вас в обиду не даст.

— Он строгий, — заметил Сергей.

— Строгий, — согласился отец. — Но справедливый. Это главное.

Саша ничего не ответил. Он ещё не знал, что этот старый, строгий человек, не родной по крови, станет для него главным учителем в жизни. Что именно Алексей Петрович делает из него мужчину. Что именно ему Саша будет благодарен за всё — и никогда не скажет об этом вслух.

Глава 4. Первое сентября. Турник

Первое сентября Саша запомнил на всю жизнь.

Утром он надел новую рубашку — белую, мама купила в Азове на рынке. Застегнул пуговицы до самого верха, хотя было душно, и посмотрел на себя в мутное зеркало в прихожей. Из зеркала глядел худой, бледный парень с тёмными кругами под глазами — не выспался, боялся.

Сергей уже ждал у порога, спокойный, уверенный. В новой одежде — джинсы, свитер — он выглядел почти взрослым.

— Ты чего копаешься? — спросил брат.

— Иду.

Они вышли во двор. Сентябрьское утро было тёплым, даже жарким. Пахло прелой листвой, дымом от костров, где жгли мусор, и тем самым запахом птицефабрики, который Саша пока не различал, но уже начинал чувствовать.

До школы шли молча. Сергей — чуть впереди, Саша — за ним, как всегда. Мимо лающих собак, мимо калиток, за которыми старухи поливали огороды, мимо магазина «Продукты» с покосившейся вывеской.

Школа оказалась недалеко. Одноэтажное здание из красного кирпича, с высокими окнами и крыльцом, на котором уже толпились ученики. Саша сразу заметил, что школа маленькая — человек двести, не больше. Не сравнить с ново-

шахтинской, где в одной параллели было по пять классов.

Но своя, живая. Со своим запахом мела, старых учебников и школьного буфета.

Когда линейка закончилась, классы разошлись по кабинетам. Сашу проводили в седьмой. Классная комната оказалась светлой, с партами в три ряда, на стенах — плакаты с таблицей Менделеева и портретами русских писателей.

— Садись, Данильченко, — сказала учительница, пожилая женщина в очках Александра Петровна — она преподавала историю.

Саша сел на последнюю парту.

А потом был урок физкультуры.

Спортзал оказался маленьким, пахло деревом и матами. В углу стояли гимнастические козлы, на стене висела баскетбольная корзина.

Алексей Петрович стоял у входа со свистком на груди, спокойный, как всегда, будто и не было вчерашнего приветствия.

— Нормативы сегодня: подтягивания, — объявил он. — По одному.

Класс выстроился у турника. Сашка Кравченко — первый. Пятнадцать раз с рывками, кривя лицо, бухтя — но сделал. Его похлопали по плечу.

Другие ребята — кто восемь, кто семь, кто пять. Кто-то вообще не смог, повисел на турнике и спрыгнул под смешки.

Очередь дошла до Саши.

— Данильченко, — сказал Алексей Петрович.

Саша не двинулся с места. Он сидел на лавочке у стены, сжавшись, вжав голову в плечи. Смотрел в пол. Сердце колотилось где-то в горле.

Он не пошёл.

В классе зашептались. Кто-то хихикнул — звонко, по-дурацки.

— Данильченко, — повторил Алексей Петрович.

Саша молчал. Он не мог. Он не умел. Он боялся, что все увидят — какой он слабый, какой позорный, городской, который ничего не может. Что насмешки будут преследовать его весь год. Что его будут бить на переменах. Что он так и останется изгоем — как был изгоем в Новошахтинске, потому что у него не было отца и матери рядом.

Он не мог.

Алексей Петрович посмотрел на него. Не крикнул. Не заставил. Не подошёл, не дёрнул за шкуру. Посмотрел — и всё понял. Он, старый учитель физкультуры, видел таких мальчиков сотни. Тех, кто боится. Тех, кто стесняется. Тех, кого сломали, ещё не начав строить.

Он не сказал ни слова. Просто перевёл взгляд на следующего ученика в списке.

— Коваленко, твоя очередь.

Саша просидел на лавочке до конца урока. Ему было стыдно. Очень стыдно. Он чувствовал, как кровь приливает к щекам и отливает, как горят уши. Но ещё страшнее было

подойти к турнику.

После урока Алексей Петрович вышел следом за ним в коридор.

— Данильченко, — окликнул он.

Саша остановился, не поднимая головы. По коридору шли ученики, звенел звонок, пахло пирожками из столовой.

Алексей Петрович подошёл, встал рядом — плечо к плечу.

— Приходи завтра ко мне домой, — сказал он тихо, чтобы никто не слышал. — Научимся.

Саша поднял глаза. Взгляд у Алексея Петровича был не злым, не насмешливым. Спокойным. Деловым. Как у человека, который берётся за работу — без лишних эмоций.

— Я не умею, — выдавил Саша.

— Научишься, — ответил Алексей Петрович и направился обратно в спортзал.

Глава 5. Первая тренировка

Вечером дома Саша рассказал Сергею.

Брат выслушал, не перебивая. Сидел на кухне, пил чай с печеньем, смотрел куда-то в стену.

— Заниматься надо, — сказал он наконец. — Я тебе помогу.

— Чем поможешь? — огрызнулся Саша. — Ты сам не качок.

— А я и не качок. Но подтянуться могу. Научу.

Но научить не получилось. У Сергея была своя жизнь — он быстро нашёл друзей в восьмом классе, стал ходить на вечеринки, пропадать на улице дотемна. А Саша остался один со своим стыдом.

Он лёг спать, но долго не мог уснуть. Смотрел в потолок, слушал, как за стенкой родители разговаривают о чём-то своём — голоса тихие, приглушённые. Как тикают часы на стене. Как за окном лает собака.

«Завтра пойду к деду», — решил он и провалился в беспокойный сон.

Утром Саша стоял у калитки дома Алексея Петровича.

Двор оказался большим — гораздо больше, чем их двор. В углу — турник, сваренный из толстых труб, покрашенный чёрной краской, которая местами облупилась. Рядом гантели разного размера — от двух до шестнадцати килограммов — лежали на деревянной лавке.

Алексей Петрович уже ждал. В тренировочных штанах, в старой футболке с выцветшим принтом, из которого нельзя было разобрать, что там было изображено. Без свистка, без секундомера. Просто — дед.

Стоптаные кеды на босу ногу.

— Заходи, — сказал он. — Раздевайся. Будем работать.

Саша снял куртку, остался в футболке и трениках. Утро было прохладным, но он сразу вспотел — от страха, от напряжения, от непонимания, что сейчас будет.

— Начнём с отжиманий, — сказал Алексей Петрович. — Ложись.

Саша лёг на землю. Упёрся руками в жёсткую, примятую траву, в которой ещё чувствовалась утренняя роса.

— Десять раз, — сказал дед. — Начали.

Саша согнул руки, опустился вниз — и не смог подняться. Грудь прилипла к земле. Он дёрнулся, напрягся, зажмурился — бесполезно. Руки были ватными, мышцы — несуществующими.

— Встать, — сказал дед.

Саша встал на колени, отдышался. Трава оставила зелёные следы на коленях.

— Ещё раз.

Он снова лёг. Опустился. Опять не смог подняться.

— Слабак, — без злости сказал Алексей Петрович. — Но не безнадёжный. Будешь отжиматься с колен.

— Как это?

— А вот так.

Дед показал. Встал на колени, упёрся руками в землю. Отжался десять раз — легко, как будто ничего не делал. Как будто ему было столько же лет, сколько Саше. Мышцы перекатывались под старой футболкой, ни грамма жира, одна сухая сила.

— Понял?

Саша кивнул.

Он встал на колени. Упёрся. Отжался один раз. Второй.

На третьем руки затряслись, локти пошли в стороны, он плюхнулся носом в траву, чуть не вывихнув плечо.

— Пять, — сказал дед. — Мало. Ещё пять.

Саша отжался ещё два — и снова упал. Лицом в траву, в росу, в землю. Ему хотелось плакать от бессилия и стыда.

— Вставай. Десять раз. Полных. Не останавливайся.

— Я не могу, — прохрипел Саша в траву.

— Можешь. Я сказал — можешь.

Саша поднялся на дрожащих руках. Отжался три раза. Четыре. Пять. Руки дрожали, пот заливал глаза, капал на землю, смешивался с росой. Он дышал как загнанная лошадь.

— Семь, — считал дед. — Восемь. Девять. Десять. Вставай.

Саша поднялся. Колени тряслись, руки висели как плети, ладони горели, будто он держал их над костром.

— Отдохнул? — спросил дед.

Саша кивнул, всё ещё тяжело дыша. Ноги подкашивались.

— Давай ещё.

— Зачем? — простонал Саша. — Зачем, если я не могу даже одного раза нормально?

— Затем, что мышцы должны запомнить. Затем, что ты мужчина. Затем, что слабаки тут не нужны. Встань.

И Саша встал. Сжал зубы, сжал кулаки, сжал всё, что мог, и снова опустился на колени. И снова отжимался. И снова падал. И снова вставал.

В тот день он отжался сто раз. С колен. По десять-две-

надцать-пятнадцать подходов. Между подходами — минута отдыха. Дед стоял рядом, считал, не давал расслабляться, не позволял себе улыбнуться или пожалеть.

Когда всё закончилось, Саша не мог пошевелить руками. Они висели как чужие — как две верёвки, привязанные к плечам. Ладони горели, локти ныли, в груди колело.

Домой он шёл медленно, переставляя ноги, как робот. Руки не поднимались. В плечах стреляло. Каждый шаг отдавался болью в мышцах, о существовании которых он раньше не подозревал.

Но внутри, где-то глубоко, в самом нутре, жило странное чувство. Он сделал это. Сто раз. Пусть с колен. Пусть через силу, через боль, через слёзы, которые он не дал себе пролить. Но сделал.

Алексей Петрович стоял у калитки, смотрел ему вслед. И, когда Саша почти скрылся за поворотом, дед усмехнулся — впервые за утро.

— Парень, — сказал он тихо, в пустоту. — Из тебя выйдет толк.

На следующий день Саша пришёл снова.

И через день.

И через неделю.

Через месяц он уже отжимался от пола пять раз. Через два — десять. Через три — пятнадцать. А через полгода он подтянулся на турнике в спортзале — при всех, при учителе, при одноклассниках. Пятнадцать раз. Резко, чисто, без рывков.

Алексей Петрович смотрел на него и усмехался в усы.
— Молодец.

Саша уже не обижался на это «молодец», сказанное без особых эмоций. Потому что понимал: дед верит в него.

И это было важнее любых слов.

Глава 6. Первая валентинка

В восьмом классе Саша вдруг заметил, что на него кто-то смотрит.

Не так, как пацаны — с вызовом или насмешкой, не так, как учителя — с усталой привычностью. А по-другому. С любопытством, с теплотой, с чем-то таким, от чего у него по спине бежали мурашки.

Он оборачивался — никого. Только девчонки из седьмого класса о чём-то шептались у окна на перемене, поглядывая в его сторону.

Одна из них, с светлыми волосами, собранными в хвост, и большими голубыми глазами, часто на него поглядывала. Её звали Евгения Вершанская. Женя.

Саша не придавал значения. Мало ли.

А потом наступило четырнадцатое февраля.

Урок закончился — история, последняя пара. Саша не спешил, поправил рюкзак и подошёл к учительнице — хотел спросить про домашнее задание, параграф двадцать семь, причины Февральской революции, но запомнить не успел. В

этот момент дверь кабинета открылась, и внутрь стал заходить другой класс — седьмой, их литература была в этом же кабинете следующая.

В потоке учеников, в толкотне у двери, он увидел Женю. Она шла не спеша, держа в руках учебник и маленький конверт в виде сердечка — розовый, блестящий, купленный в киоске.

И вдруг, поравнявшись с ним, она протянула этот конверт.

— Это тебе, — сказала она тихо, почти шёпотом, и сразу, не глядя на него, смешалась с другими, шагнула в сторону нового класса.

Саша замер. Учительница что-то спрашивала, он не слышал, не видел ничего, кроме розового конверта в своей руке. Ладонь была липкой от пота.

На перемене он отошёл в угол коридора, где висела стенгазета с заголовком «Школьные новости», и открыл валентинку. Внутри было написано аккуратным почерком — ровные буквы, с наклоном вправо, почти каллиграфические:

«Саша, ты мне нравишься. Женя»

Сердце колотилось где-то в горле. Щёки горели, ладони вспотели ещё сильнее. Он оглянулся — никого. Спрятал конверт в карман куртки, как вор.

«Странно, — подумал он. — Может, это любовь?»

Он решил ответить. В тот же день после школы забежал в киоск, долго стоял перед витриной с открытками, переби-

рая пальцами глянцевые прямоугольники. Купил большую — с красными розами (других не было) и надписью «С днём Святого Валентина».

Но как её вручить?

Несколько дней он носил открытку в рюкзаке, между учебником алгебры и тетрадью по физике. Доставал, смотрел на неё, перечитывал стандартные слова, напечатанные типографским способом, и прятал обратно.

Подойти в школе — стеснялся. Передать с кем-то — боялся, что засмеют, что весь класс будет дразнить «женихом» до конца года. Он вообще не знал, что делать с девчонками — дразнил их, иногда дрался, но чтобы вот так, серьёзно...

Прошла неделя.

Однажды после уроков они шли из школы — Саша с одноклассниками, впереди пацаны курили за углом, а чуть впереди, метрах в двадцати, Женя со своими подружками — Светкой и Инной, которые всё время хихикали. Девочки шли медленно, обсуждали что-то своё, иногда оглядывались.

Саша смотрел на её затылок, на светлые волосы, на ленту, которая завязана бантиком, и чувствовал, как сердце снова колотится.

Они поравнялись с его домом. Калитка крашенная зелёной краской, на заборе сохнет ковёр. Саша свернул к калитке, открыл дверь, забежал внутрь — и вдруг, не думая, бросил рюкзак на землю, схватил открытку из внутреннего кармана.

Выскочил на улицу.

Женя уже прошла немного вперёд, её подружки что-то показывали пальцами в небе — может, самолёт, может, птицу. Саша побежал. Догнал. Протянул руку с открыткой.

— Женя, это тебе, — выпалил он.

Она удивлённо посмотрела — сначала на открытку, потом на него. В глазах — удивление, испуг, радость. Взяла.

Саша развернулся и побежал обратно, не оглядываясь. Забежал в комнату, закрыл дверь, сел на кровать.

Дыхание сбивалось. Сердце выпрыгивало из груди, ломилось в висках, уши пылали.

Но внутри было тепло. Совсем не так, как когда дразнил девчонок или дрался с ними. По-другому. По-настоящему.

Они так и не стали встречаться. Женя ушла после девятого — её семья переехала в Краснодар. Больше Саша её не видел. Но запомнил это чувство на всю жизнь — как колотится сердце, когда даришь девчонке валентинку и убегаешь, не зная, что она подумает, что скажет, что будет завтра.

Через два года, танцуя с Розой медляк под «Пять причин», он вспомнил ту валентинку. И понял: тогда, в восьмом классе, у него была первая любовь. А теперь — вторая.

Или та же самая, просто с другим именем.

Глава 7. Зарница. Дождь

Весной 2002 года Алексей Петрович сказал:

— Данильченко, ты едешь на «Зарницу».

Саша удивился. За год тренировок он изменился до неузнаваемости — подтягивался уже пятнадцать раз, отжимался сорок от груди, бегал стометровку за тринадцать секунд. Не быстро, но на его фоне — радикальный прогресс.

— Разве там не старшеклассники? — спросил Саша.

— Сборная школа. Восьмой, девятый, десятый, — ответил дед. — Ты в команде. Не подведи.

На «Зарницу» собрали команду из двенадцати человек — шесть мальчиков, шесть девочек. Саша был в восьмом. Из его класса поехал Дима Ананьев — тот самый русоголовый веснушчатый парень, за полтора года ставший другом. Спокойный, рассудительный, с вечной книжкой в рюкзаке — читал фантастику запоем.

Из седьмого класса поехали Руслан Газаров — весёлый, вечно с идеями, вечно в движении, и его одноклассницы: Роза, Света и Инна.

Розу Саша видел в школе, но не придавал значения. Тёмные волосы, острый взгляд, всегда в окружении подруг. Обычная девчонка, каких много.

Они грузились в школьный автобус утром. День был солнечный, ясный, небо — синее-синее, почти южное.

Автобус трясся по просёлочной дороге два часа. За окном мелькали поля, лесополосы, редкие хутора. Саша сидел у окна, смотрел на бегущую ленту и думал о своём — об учёбе, о тренировках, о том, что бабушка не звонила уже две недели.

Потом лес. Высокий сосновый бор, тишина, запах хвои и

прошлогодней листвы. Лагерь — палатки, костровище, флаги на древках.

Поставили палатки — мальчики отдельно, девочки отдельно. Разожгли костёр, сварили в котелке макароны с тушёной. Съели. Сидели у огня, пели песни под гитару.

Было хорошо. Спокойно. Почти по-настоящему.

На второй день всё изменилось.

Дождь начался после обеда. Сначала мелкий, противный, колючий — такой, от которого не спрячешься, потому что он забивается под воротник и за шиворот. Потом — стеной. Ветер рвал палатки, гнул деревья, бросал в лицо мокрые сосновые иголки.

Саша сидел в своей палатке вместе с Димой и Русланом, слушал, как барабанит по брезенту. В палатке было сыро, душно, изо рта шёл пар от холода.

— Ну и погода, — сказал Руслан, почёсывая затылок. — Как будто кто-то сверху ведро опрокинул.

— Затопит нас, — мрачно заметил Дима, глядя на ручеёк, который уже просочился под стенкой.

— Ребята! — крикнули снаружи. Голос Светы — звонкий, испуганный. — У девчонок беда! Их палатку затопило — Розы, Светы и Инны.

— И что с ними делать? — спросил Саша.

— Решили временно переселить. У вас палатка на бугре, сухая. Возьмёте?

Руслан усмехнулся.

— Ну, теперь будет весело.

Через пять минут в палатку втиснулись три мокрые девчонки. С них текло, как с уток. Инна — с длинными волосами, которые слиплись в сосульки, Света — маленькая, горливая, дрожащая.

И Роза.

Она молчала. Вошла последней, встала у входа, обхватив себя руками за плечи. С тёмных волос капала вода, футболка прилипла к телу, джинсы потемнели от сырости.

— Садитесь в центр, сухо, — сказал Дима, отодвигаясь.

Роза села рядом с Сашей. Случайно. Или нет — он не понял. Они сидели плечом к плечу, она дрожала, он чувствовал её дрожь — или ему казалось.

Им было весело. По-настоящему. Так, как бывает только в детстве, в лесу, под дождём, когда рядом друзья, никто не торопит, не говорит, что надо учить параграф или ложиться спать. Шутили, рассказывали страшные истории, Света вскрикивала при каждом шорохе, Руслан закатывал глаза и сыпал анекдотами.

В какой-то момент Роза перестала дрожать. Саша почувствовал, как её плечо прижалось к его плечу — сначала легонько, потом сильнее. Он не отодвинулся. Не знал почему. Может, боялся обидеть. Может, не хотел.

А может, ему просто было тепло.

Где-то за полночь они услышали шаги.

— А ну, выходите!

Голос был строгий, взрослый, не терпящий возражений. Саша высунул голову из палатки — перед ними стояли двое мужчин в камуфляже. Охрана лагеря. Фонарики, дубинки на поясах, свистки на груди.

— У вас что тут, дискотека? — спросил один, посветив фонариком в лица.

— Дождь просто, — сказал Руслан невинным голосом, с глазами честного ангела.

— Дождь у всех, а орёте только вы. Всё, собирайтесь.

— Куда? — спросил Саша.

— Мальчики — в палатку к старшеклассникам. Девочки остаются здесь. Быстро.

Саша начал выбираться из палатки. Внутри было душно, тесно, пахло мокрой одеждой и травой. Он снял футболку — спать в мокрой не хотелось, да и так согреться не получалось. Вылез наружу с голым торсом, только в штанах, ещё не соображая спросонья, потирая замёрзшие плечи.

— А это ещё что за красавчик? — сказал второй охранник.

Он был пониже ростом, коренастый, с брезентовой дубинкой на поясе и красным лицом — то ли от ветра, то ли от выпитого. Саша не успел ничего ответить — охранник легонько, скорее для острастки, чем по-настоящему, ткнул его дубинкой в бок.

— Одевайся, герой. Не на пляже.

Саша дёрнулся. Было не больно, но обидно — как собаке, которую пнули просто потому, что она попала под ноги.

— Зачем вы его? — услышал он тихий голос из палатки.

Роза выглянула, посмотрела на Сашу. В её глазах была тревога — настоящая, неигровая.

— Всё нормально, — буркнул Саша, надевая футболку.

— Я в броне.

— Умник, — усмехнулся охранник. — Спать.

Саша, Дима и Руслан начали собирать свои спальники. Роза хотела что-то сказать, но не успела — их уже выгоняли.

Саша выполз из палатки под холодный дождь. В темноте, под фонариком охранников, они побрели к палатке старшеклассников — огромному брезентовому шатру, где уже храпели десять человек.

— Весело было, — сказал Руслан, ёжась.

— Ага, — ответил Саша. И неожиданно усмехнулся. — Теперь я легенда. Меня дубинкой били.

— Слегка, — уточнил Дима.

— Всё равно.

Утром дождь кончился. Лагерь отряхнулся, просушили палатки, девочек переселили обратно.

Роза увидела Сашу — он стоял у своей палатки, перекидываясь шутками с Русланом и Димой, пил горячий чай из алюминиевой кружки. Она хотела подойти, сказать спасибо за то, что пустили их переночевать. Побежала к нему — быстро, радостно, не глядя под ноги.

Не заметила верёвку, на которой сушили полотенца.

Споткнулась.

И — шлёп! — упала прямо в грязь. В чёрную, липкую, вонючую грязь вперемешку с прелой листвой.

Рядом засмеялись. Саша тоже засмеялся — громче всех, раскатисто, неестественно громко. Не специально — просто вырвалось.

Он не подошёл. Не протянул руку. Просто стоял, засунув руки в карманы, и усмехался.

— Смотри под ноги, — сказал он вместо того, чтобы помочь.

Роза поднялась сама, вся в чёрной липкой грязи. Волосы — грязные, лицо — грязное, руки — по локоть в месиве.

Ей было стыдно. Обидно. Унизительно.

Но почему-то не зло.

Инна и Света подбежали, начали отряхивать её, охать, вытирать платками.

— Какой он грубый, — сказала Света, бросая взгляд на Сашу. — Даже не помог.

— А чего ты от него ждала? — ответила Инна. — Он же хулиган. Издевается над всеми.

Роза промолчала. Она посмотрела на Сашу — он уже отвернулся, снова смеялся с пацанами, показывал что-то рукой. Смех его был звонким, мальчишеским — ни капли жестокости, просто дурацкая радость.

«Хулиган, — подумала Роза. — И именно это в нём и нравится».

Она вытерла грязь с лица тыльной стороной ладони и

улыбнулась своим мыслям.

Саша, случайно обернувшись, увидел эту улыбку — грязную, странную, но почти счастливую.

Удивился.

Но ничего не сказал.

Глава 8. Тряпка в лицо

После первой Зарницы они часто сталкивались в школе. Саша не искал встреч, но и не избегал. Роза иногда ловила его взгляд — и тут же отворачивалась, делая вид, что занята чем-то важным.

Они не разговаривали. Не здоровались. Как будто между ними пролегла невидимая черта.

А потом случился декабрь.

Раздевалка после физкультуры. Все толкались, совали ноги в тесные джинсы, снимали форму. Саша повесил куртку на крючок, полез в шкаф за сменкой.

Роза проходила мимо — с сумкой, в расстёгнутом пуховике. Или случайно, или специально — она сама потом не вспомнила — задела его куртку плечом.

Куртка упала на пол. Мокрая, грязная — пол в раздевалке никогда не мыли нормально.

— Ты чего творишь? — спросил Саша, поднимая куртку. Голос был злой, срывающийся.

— Нечаянно, — ответила Роза, не глядя.

Саша разозлился. Сильно, по-настоящему — как будто всё напряжение последних месяцев выплеснулось в одной секунде. Он не искал причин срываться, но именно сейчас она появилась.

В углу он увидел мокрую тряпку — ею мыли полы. Серая, вонючая, с подсохшими разводами грязи. Он схватил её и, не думая, швырнул Розе прямо в лицо.

Тряпка шлёпнулась с мокрым звуком. Прилипла к щеке, потом сползла на пол, оставляя грязный след.

Инна и Света ахнули. Кто-то из пацанов присвистнул.

Роза замерла на секунду. Не дышала. Потом медленно, очень медленно, вытерла лицо рукавом пуховика. Посмотрела на Сашу.

Он ждал слёз, жалоб, истерики. Все девчонки плакали, когда их так унижали.

Она не заплакала.

Она сжала кулаки. Шагнула к нему.

— Ты, — сказала она тихо, почти шёпотом, но так, что слышали все.

Саша опешил. Сделал шаг назад.

— Ты ещё пожалеешь.

И развернулась.

Она не побежала в слезах к учительнице. Не пожаловалась. Не ударила в ответ. Просто ушла, оставляя за собой тяжёлую тишину.

Но это была не конец.

Глава 9. Погоня и борьба в актовом зале

Тряпкой дело не кончилось.

Как только Роза вытерла лицо, она вышла из раздевалки.

Саша выдохнул — подумал, что всё обошлось. Надел куртку, взял рюкзак и направился к выходу из школы.

Он шёл по коридору первого этажа, когда услышал сзади топот.

— Стоять, Данильченко!

Голос Розы.

Он обернулся — и увидел её, летящую на него со всей скоростью, на которую была способна семнадцатилетняя девочка, разогнанная гневом и адреналином.

Саша рванул по коридору. Он бежал быстро, но она не отставала — злая, мокрая, с разводами грязи на лице. В руках у неё ничего не было — только кулаки.

— Стой, трус! — крикнула она.

Он влетел в актовый зал. Сцена, занавес, ряды стульев. Хотел спрятаться за кулисами, но Роза настигла его у выхода на сцену.

Она вцепилась ему в плечо. Саша, не думая, сработал поборцовски — рефлекс, натренированный дедом на тренировках: подхватил её за ноги, оторвал от пола и аккуратно, но жёстко положил на пол.

Всё произошло за секунду. Он оказался сверху, прижав её

плечи к холодному линолеуму.

Роза охнула — от удара, от неожиданности, от близости. Но не растерялась. Пока он нависал над ней, она вцепилась ему в ухо. Ногтями, со всей силы. До крови, до хруста.

— Отпусти! — заорал Саша, дёргая головой.

— Первый отпусти!

— Я тебя не держу!

— Врёшь!

Она вцепилась в его ухо, как клещ. Он пытался вырваться — только усиливал боль. Извивался, дёргался, пятнал коленями пол — бесполезно.

Она усмехнулась — запёкшимися губами, грязным лицом.

— Что, слабак?

Он прекратил дёргаться. Замер. Посмотрел на неё сверху вниз — в её глаза, тёмные, узкие, полные не то гнева, не то смеха.

И вдруг рассмеялся.

— Какая же ты...

— Что?

— Сумасшедшая.

Она ослабила хватку, но не отпустила. Осторожно, по миллиметру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.